

УДК 39:(470.4)

Г. Е. Шкалина

ФИННО-УГОРСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Самоценной реальностью в атмосфере глобализационных процессов становится этничность. Позиционирование своих этнокультур творческим меньшинством финно-угорских сообществ получило название этнофутуризм. В условиях городской среды это означает утверждение права быть и продолжаться в своем образе жизни как цивилизационный феномен. Ревитализация глубинных пластов этнической культуры осознается в будущем мироразвитии как важный ресурс жизнеспособности общества. Трансляция многовекового опыта самоопределения финно-угорских народов России в современность – это гуманитарная ценность эпохи.

Ключевые слова: финно-угорская культура, этничность, глобализация, этнофутуризм, ревитализация, гуманитарная ценность.

G. E. Shkalina

FINNO-UGRIC CULTURE IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ethnicity becomes a self-valuable reality in atmosphere of globalization processes. Positioning of the ethnocultures by creative minority of Finno-Ugric communities has received the name ethnofuturism. In the conditions of the city environment, it means the right statement to be and proceed in the way of life as the Civilization phenomenon. Revitalization of deep layers of ethnic culture is realized in the future as an important resource of viability of society. Translation of centuries-old experience of self-determination of the Finno-Ugric people of Russia in the present is a humanitarian value of an epoch.

Keywords: Finno-Ugric culture, ethnicity, globalization, ethnofuturism, Revitalization, humanitarian value.

Международный опыт начала XXI в. показал несостоятельность этнополитической доктрины о неизбежности затухания этничности под влиянием урбанизации, индустриализации и глобализации. Чуть раньше потерпели фиаско американская теория «плавильного котла» и ассимиляционная модель советского государства, направленные

на формирование сверхнаций. Самоценной реальностью в атмосфере ужесточающихся глобализационных процессов становится *этничность*. Сегодня мы являемся свидетелями того, что у этого феномена есть свое будущее, с точки зрения *постнациональной этничности*. В компьютерном обществе, казалось бы, устаревший и уходящий в историю образ человеческого существования обретает новую жизнь в актуализированных ценностях, которые еще хранит в себе этническая культура. Ревитализация глубинных пластов этнической культуры осознается в геокультурном пространстве, в будущем мироразвитии как важный ресурс жизнеспособности общества.

Сформировавшийся финно-угорский мир, который складывается из ставших традиционными взаимодействий научных, общественных, культурных кругов финно-угорских народов, сегодня становится фактором этнической мобилизации. Именно финно-угорское сотрудничество вызвало в последние десятилетия всплеск научного интереса (и не только!) к финно-угорской тематике как в России, так и за ее пределами.

Национальные движения финно-угорских народов России – карелов, коми, мари, мордвы, удмуртов – в современной форме утвердились в российском общественно-политическом пространстве в начале 90-х годов XX в. Ныне эти движения характеризует наличие собственной идеологии, участие в общероссийском и мировом глобальном процессах. В непростых условиях финно-угорские национальные движения и организации демонстрируют способность структурировать социальное пространство. Позиционирование своих этнокультур творческим меньшинством финно-угорских сообществ получило название **этнофутуризм**. Этнофутуризм как идеология открывает плодотворные гуманитарные ориентиры в нашем «проектно-инновационном мире» [1].

И особая роль здесь должна быть отведена распространяющейся экологической философии, которая заключена в древнем мировоззрении уральских народов.

Самопроявление и самовыражение каждого народа является неотъемлемой ценностью этнофутуристического движения. Вырвавшаяся наружу после долгих лет культурной ассимиляции свобода творческого высказывания и предъявления себя миру нашла свое пристанище в проектах молодых финно-угорских деятелей культуры – писателей, поэтов, художников, музыкантов. В условиях городской среды это означало утверждение права **быть** и продолжаться в своем **образе жизни** как *цивилизационный феномен*.

К сожалению, в современном российском поликультурном обществе имеет место проблема ограничения творческого потенциала коренных народов Севера, Сибири, Волжско-Камского бассейна. В целом в стране нарушены как экономическая основа жизнедеятельности, так и вся многоаспектная система традиционного воспитания. В этих условиях исследователи изучают «не то, как народы познают мир, а результаты этого познания, то есть этнографическую абстракцию «туземной философии» [2]. Тогда как важно аутентичное понимание культуры, то есть исследования должны вестись с учетом экологического мировоззрения адаптационной стратегии традиционных обществ. Пока будет оставаться в науке и образовании методология западного мышления субъектно-объектных отношений, в рамках которой антропоцентризм возводит человека на высшую планку развития, а природа якобы требует воздействия и преобразования, до тех пор среда обитания будет рассматриваться только в культуре потребления.

В целом современное образование предельно рационализировано, в нем утрачивается эмоционально-творческий, ценност-

но-гуманистический импульс. Технократический тип образования не формирует экологического сознания, включающего в себя и экологию духа.

Впрочем, у любого государства есть опасность к большому количеству образованных людей – образованные люди опасны, они не нужны. Современный либерализм делает ставку на понижение качества человека, формирование узко думающего, не творческого, прагматичного человека. Конфуций назвал бы такого человека *низким* или *маленьким*. Сегодня как никогда стало очевидным, что «все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский).

Тревога многих финно-угорских народов РФ связана с нынешним положением родных языков. Со времени переписи 1970 г. неуклонно сокращается количество людей, говорящих на языке своей национальности. Наибольший процент такого падения зафиксирован у удмуртов – 24,6 %, мордвы – 28,4 % и ханты – 29,5 %; наименьший – у коми-пермяков – 12,3 %, ненцев – 10,5 %.

Причины вымирания языка имеют социальный характер. В их числе – сильное культурное давление господствующей нации, падение престижа языка в глазах его носителей, экономическая модернизация и т. д. Сохранение национальных языков, защита языковых прав личности и народов считается одним из приоритетных направлений государственной политики любого демократического государства. Для уральских народов Российской Федерации язык – основополагающий *этнообразующий признак*, главный атрибут его национальной культуры. Для поликультурного государства защита языковых прав народов должна именоваться ключевым направлением его национальной политики, ибо с родным языком связаны самые важные *права человека*, касающиеся как его личного языка коммуникации, так и языка

этноса. Это – *право на сохранение, развитие и использование языка в разных сферах жизни, право на межпоколенную передачу, качественное образование на родном языке, возможность равноправного изучения как государственного, так и родного языка* (при наличии сопутствующего закона) и т. д.

Вопросы о языковой политике и функционировании национальных языков стали основным блоком в масштабном исследовании 2007 г. «О положении финно-угорских народов Российской Федерации» при финансировании общества «Финляндия – Россия», в котором участвовала и автор этих строк [3]. Итоги исследования показали: финно-угорские языки для их носителей ассоциируются, прежде всего, с родным языком в диапазоне от 37,8 % (мордва) до 80 % (коми-пермяки). Показателен выбор ответов с местоимением **мой** (мой язык, язык моих предков, моего народа, моих близких). Это указывает на финно-угорскую составляющую в миро- и самоощущении респондентов. С этих позиций финно-угорский мир весомо заявляет о себе во всех регионах проживания уральских народов.

Низкий уровень владения языками стал основой «вымывания» финно-угорских языков из общественного оборота, а значит, их вытеснения в семейно-бытовую сферу: родной язык становится «языком кухни». Это неудержимо уменьшает его престижность. Снижающийся уровень владения языками сужает базу для их дальнейшего изучения молодым поколением, то есть для дальнейшего развития самого языка.

Сфера функционирования финно-угорских языков по итогам вышеназванного исследования представлена следующим образом:

На языках уральской группы чаще всех на работе общаются коми-пермяки – 37,4 %, мари – 20,4 %, мордва Ульяновской облас-

ти – 17,6 %. У остальных финно-угорских народов в самых разных регионах проживания этот показатель не достигает 10 %.

Функциональное использование родного языка на службе – в равной мере с русским – наиболее характерно для тверских карелов (28 %) и восточных мари Республики Башкортостан (23,8 %).

Общение *в семье* на родном материнском языке – самое дорогое для его сохранения и развития. На языках своей национальности разговаривают в семьях 51,4 % мари и 44,1 % мордвы Ульяновской области. Наименьшие доли по двум группам у удмуртов – 12 % и финнов Ленинградской области – 2,7 %.

Некоторые результаты языковой политики остаются непредсказуемыми, поскольку они – следствие не норм, а административных мер. По сути, в российском обществе не действуют механизмы защиты родного языка в условиях преобладающего иноязычного окружения. Об этом убедительно говорят результаты исследования: подавляющее большинство респондентов указывает на государство как на субъект власти, принимающий недостаточное участие в процессе развития финно-угорских языков. Примечательно, что ответы финно-угорских респондентов практически совпадают с ответами из группы «не финно-угры».

Исследование «Положение финно-угорских народов России» выявило тенденцию возрастания роли исторического сознания в качестве одного из ведущих этнообразующих факторов (наряду с общепризнанными – общностью языка и территории проживания). Не случайно вопросы идентитета были ключевыми на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов (июнь 2008 г., Ханты-Мансийск).

В нашем «ускользающем мире» (Э. Гидденс), в эпоху «новой неопределенности» (Ю. Хабермас), в «конце знакомого мира»

(И. Валлерстайн) идентичность понимается как тождественность индивида или группы самим себе, как совокупность характерных особенностей, как интегрирующее свойство личности или группы [4, 5]. Интерес к проблемам идентичности поддерживается актуализацией вопросов «Кто я?» и «Кто мы?». Настоящий «бум» вокруг проблем идентичности вызван большой дифференциацией общества, пресыщением людей «навязанными ценностями, нагромождением экономических и идеологических построений». И, как следствие, внимание человека сосредоточивается на том, что «находится в непосредственной близости, на действительной общности чувств, на всех тех вещах, что составляют целый мир привычек, ритуалов, мир, принимаемый таким, как он есть» [6]. И это происходит на фоне «глобализированного богатства, локализованной бедности» [7]. Поиски идентичности являются открытым вопросом меняющегося мира. Это означает начало подготовки к освоению нового мира, *поиски форм, смыслов, оснований* для дальнейшего развития и формирования другой перспективы как человека, так и общества в целом.

В условиях «раздачи суверенитетов» финно-угорским «творческим меньшинством» (А. Тойнби) был найден тот цивилизационный концепт, который позволял бы уральским народам начать себя «стратегически предъявлять будущему». Таким концептом и стал вышеобозначенный этнофутуризм – «*проектно-ориентированный союз этнической идентичности, современного искусства и социокультурного авангарда*» [8].

Современное развитие характеризуется ярко выраженными процессами возрождения этнических культур. Этнокультурный ренессанс является признаком возрождения культуры вообще, ее возвращения к истокам [9]. Сегодня многие понимают необходимость

поиска утраченных духовных сокровищ в мифопоэтической традиции. Проблема состоит в своевременном переформатировании символической многозначности этики адаптационной культуры, изначально миросообразной и миродеятельной, на современный язык *мироустройства*. Трансляция многовекового опыта самоопределения наших сородичей в современность – это не только усло-

вие выживания финно-угорских народов. Это – гуманитарная ценность эпохи.

Культура любого народа определяет его духовную уникальность, творческие силы и способности. Сегодня как никогда в России возникает необходимость учитывать специфику разных культур, в том числе архаичных, а также культур, развиваемых в рамках неевропейских цивилизаций.

Литература

1. Генисаретский О. И. Визуальная антропология, этнокультурные традиции и этнофутуризм [Электронный ресурс]. – URL: <http://prometa.ru/olegen/publications/99/3>
2. Лурье С. В. Историческая этнология. – М., 1997.
3. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра /отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008. – 272 с.
4. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / реф. Е. Ф. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс: реферативный сб. / под ред. Ю. А. Кимелева. – М., 1995. – С. 95–113. – (Сер. «Социология»).
5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2004. – С. 332.
6. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. – М., 1991. – С. 278.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
8. Костина А. В., Рахимова М. В. Традиционная культура как фактор сохранения национальной самобытности в условиях глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. – 2008. – № 7. – С. 118.